

БОЕВОЙ ПУТЬ ИРЛАНДСКОЙ БРИГАДЫ БРИТАНСКОЙ АРМИИ ВО ВМВ

В годы ВМВ в составе британских вооруженных сил сражалась Ирландская (38-я) Бригада. В ней, в основном, служили граждане Ирландии, Великобритании и британских доминионов полностью или частично ирландского происхождения. В составе Бригады воевали следующие подразделения Британской армии:

- 1-й Батальон Королевских Ирландских Фузилеров/1st Battalion, Royal Irish Fusiliers (далее - *Ирландские Фузилеры*)
- 2-й Батальон Лондонских Ирландских Стрелков/2nd Battalion, London Irish Rifles (далее – *Лондонские Стрелки*)
- 6-й Батальон Королевских Иннискиллингских Фузилеров (расформирован 5 августа 1944 г.)/6th Battalion, Royal Inniskilling Fusiliers (*disbanded 5 August 1944*)
- 2-й Батальон Королевских Иннискиллингских Фузилеров (начиная с 26 июля 1944 г.)/2nd Battalion, Royal Inniskilling Fusiliers (*from 26 July 1944*)

В сентябре 1941 г. внимание премьер-министра Великобритании Черчилля привлекло опубликованное в газете *London Times* письмо отставного генерала Сэра Хьюберта Гофа (Hubert Gough):

Кажется, большое количество ирландцев вступило в вооруженные силы Его Величества с начала войны. Они сделали это добровольно, движимые чувствами, поскольку, по причине нейтрального статуса, в Ирландии не существует каких-либо агентств, через которые они могли бы записаться в армию у себя дома, и не проводится какая-либо кампания в этом направлении. Жаль, что с этим явлением, которое, кажется, широко известно в Ирландии, не столь широко знакомы здесь, а это – значимое свидетельство того, что нейтралитет Ирландии не означает враждебного отношения к Британии и Содружеству в военное время.

Далее Гоф писал о том, что боевой дух ирландцев особенно силен тогда, когда они служат в частях, сражающихся под ирландским флагом. Поскольку нейтралитет США не был скомпрометирован тем, что американские добровольцы служат в отдельной эскадрилье *RAF (Eagle Squadron)*, он рекомендовал собрать собственно ирландцев и англо-ирландцев в *Ирландскую Бригаду (Irish Brigade)*.

Черчиллю идея понравилась, и в своей записке к военному министру (Secretary of State for War) он отметил: «Я буду рад услышать от Военного Кабинета (War Office) его мнение на этот счет. Мы видим, что есть *Свободная Франция* и *Вишистская Франция*, так почему бы нам не признать, что есть *Верноподданные Ирландцы (Loyal Irish)* и *Дублинские Ирландцы (Dublin Irish)?*» Энтузиазм Черчилля по вопросу о создании *Ирландской Бригады* укрепился, когда ему в руки попали выдержки из писем, попавших в руки североирландских цензоров. В одном из писем, отправленных их Хэмпшира (Hampshire, Северная Ирландия) в Уотерфорд (Waterford, Ирландия), были такие строки:

Патрику 19 лет. Он пошел в [британскую] армию по собственной воле, и я должен сказать, что все его здешние друзья из трех округов сделали то же самое и не стоит так запросто ставить крест на Ирландии.

Черчилль подчеркнул несколько схожих высказываний красным карандашом и отправил в Военный Кабинет повторную просьбу рассмотреть данное предложение: «Я думаю, пришло время сформировать *Ирландскую Бригаду* и Ирландское авиакрыло в *RAF*.» Премьер-министр отметил, что ставший асом в период Битвы за Британию уроженец

Дублина Пэдди Финьюкейн может стать превосходным командиром такого подразделения. «Жду ваших предложений,» - настаивал Черчилль. Затем, рассматривая послевоенные перспективы, он добавил: «Этот шаг может приобрести важное политическое значение позднее.»

Беспокойство по поводу возможных политических последствий формирования *Ирландской Бригады* выразили в своей ответной записке Черчиллю военный министр Дэвид Марджессон (David Margesson) и виконт Крэнборн (Viscount Cranborne), министр по делам доминионов. Им понравилась идея официальной демонстрации признательности всем добровольцам, прибывающим из Ирландии, но они, кроме всего, не хотели, чтобы этот приток людей остановился:

К настоящему времени люди прибывали из Ирландии безо всяких препятствий, и ничего не говорилось об их присутствии в наших вооруженных силах. Как следствие, у правительства Ирландии (буквально: Southern Irish Government) была возможность «не замечать» этого. Но стоит нам открыть всему миру то, какое участие принимают граждане нейтральной Ирландии в войне, игнорируя политику собственного правительства, руководители Ирландии почувствуют необходимость в принятии мер по пресечению отъезда из своей страны добровольцев, желающих вступить в наши [вооруженные] силы. В этом случае, мы потеряем больше, чем приобретем.

Согласно подсчетам Министерства по Делах Доминионов, примерно 43 000 мужчин и женщин-уроженцев Ирландии, записались в вооруженные силы Великобритании в годы ВМВ.

Создание Бригады

В своем письме Черчиллю Марджессон и Крэнборн отметили, что южно-ирландские добровольцы могут отнестись негативно к тому, что факт их участия в войне на стороне британцев станет известным, поскольку из-за этого у них могут быть неприятности с законом у себя дома: «Далее, есть возможность того, что факт наличия полностью ирландских подразделений, вовсе не являющихся символом тесных связей между Британией и Ирландией, может стать плодородной почвой для подрывной агитации со стороны *Ирландской Республиканской Армии (ИРА)* и других непопулярных элементов...»

Рассматривался вопрос о формировании эскадрильи *Shamrock* из «ирландцев по крови со всех концов света», но Министерство ВВС (Aviation Ministry) выразило точку зрения, что для этого нет необходимости и ирландцы будут возражать против их перевода из подразделений, в которых они в настоящий момент служат.» Пожелание объединить в бригаду уже существующие в британской армии ирландские батальоны воспринято было позитивно – речь шла таких батальонах, как *Inniskilling Fusiliers*, *Royal Irish Fusiliers* и *London Irish Rifles*.

В какой-то степени разочарованный аргументами, присланными Военным Кабинетом, Черчилль ответил на объединенный меморандум следующим комментарием: «Пусть будет, как предлагается. Это – лошадь для половины пути.» Но, словно всего этого не было достаточно для того, чтобы огорчить Черчилля, предложение о создании Ирландской Бригады попало в руки Джона Эндрюса (John Andrews), премьер-министра Северной Ирландии.

В своем убедительном письме Черчиллю, в котором он принес извинения за то, что обременяет его дополнительными проблемами, Эндрюс призвал лидера страны обратиться к историческому опыту: «Это название будет неизбежно ассоциироваться с ирландцами, которые воевали против Англии во времена герцога Мальборо [*Речь идет о предке Уинстона Черчилля Джоне Черчилле (англ. John Churchill, 1650—1722) — английском военном и государственном деятеле, который успешно руководил в 1690*

году борьбой с антианглийским движением в Ирландии и был пожалован титулами графа и, затем, 1-го герцога Мальборо (*Duke of Marlborough*)), с Ирландской Бригадой, которая сражалась против Британии во время Бурской войны... и, в конечном итоге, с отрядом *Голубых Рубашек/Blue Shirts*, сформированным в Ирландии для участия в Гражданской войне в Испании.» В то время как Черчилль находился в США, ведя переговоры с президентом Рузвельтом, заместитель премьер-министра Клемент Эттли подключился к этой противоречивой дискуссии, сказав, что Эндрюс в корне неверно подошел к данному вопросу. Никто не намеревался создавать *Ирландскую Бригаду* с нуля, как изначально предлагал генерал Гоф, а речь шла об объединении в бригаду нескольких ольстерских батальонов из состава британской армии. Он уверил североирландского премьер-министра в том, что никакого особенного шума в СМИ вокруг этой бригады не будет до той поры, «пока не появится подходящий случай сделать это - когда эта часть проявит себя в бою.»

На Эндрюса эти слова не произвели особого впечатления: «В то время как я, разумеется, высоко ценю желание британского правительства выразить должным образом свою признательность тем гражданам Ирландии, которые оказывают поддержку [правому] делу союзных держав, мы чувствуем, что использование с этой целью ольстерских батальонов вызовет здесь обиду. С моей точки зрения, любая политика, рассчитанная на то, что устранить или затушевать разницу между желанием собственно Северной Ирландии сражаться и нейтралитетом [самой] Ирландии запутает и собьет с толку общественное мнение и нанесет ущерб важнейшим интересам Империи в целом.»

В конечном итоге, Уинстон Черчилль одержал победу в этих дебатах, хотя результат был умеренным, соответствующим предложенному Военным Кабинетом. В январе 1942 г. 38-я (Ирландская) Бригада была создана, и в нее вошли 1-й Батальон *Ирландских Фузилеров*, 6-й Батальон *Иннискиллинских Фузилеров* и 2-й Батальон *Лондонских Ирландских Стрелков*. *Лондонские Стрелки* были территориальной воинской частью, ассоциированной с *Королевскими Ольстерскими Стрелками (Royal Ulster Rifles)*.

Ирландский этнический характер бригады был четко обозначен с самого начала появлением в каждом батальоне оркестра волынок, включением в список строевых сочинений множества ирландских песен и дополнением униформы традиционным ирландским беретом (*saibeen*), который был популярен у ирландских воинов, по меньшей мере, начиная с 17 века. Первым командующим бригадой стал бригадир (*Brigadier*) Морган О'Донован (*Morgan O'Donovan*). Вскоре его сменил бригадир Нельсон Рассел (*Nelson Russell*).

Первые бои в Северной Африке

Впервые 38-я Бригада вступила в бой в ноябре 1942 г. в составе англо-американского контингента, высадившегося на побережье французских владений в Алжире в рамках операции *Torch*. Это было полным драматизма началом долгой и кровопролитной полосы сражений.

Эдмунд «Тед» О'Салливан был типичным лондонским ирландцем. Он родился в городе Пекхэм/*Peckham* в 1919 г. Со стороны отца его семья происходила из Лимерика/*Limerick* (предки иммигрировали в Англию в 19 веке), по материнской линии – из Керри/*Kerry*. Он был воспитан в католической традиции и стал стипендиатом *Бромтонской Часовни (Brompton Oratory – католический храм в Лондоне - ВК)*. Его первой работой была должность клерка в мастерской по пошиву военной формы. В сентябре 1939 г. он был призван в армию и зачислен во 2-й батальон *Лондонских Ирландских Стрелков*. Первые три года службы он был занят боевой подготовкой, получил звание сержанта и принял участие в высадке в Северной Африке в ноябре 1942 г. Вот как он вспоминал эти дни:

Мы начали свой марш из Алжира вверх по склону в форме из толстого сукна. Тащили всю выкладку на себе под палящим полуденным солнцем. Волынщики несли только свои волынки. Наша первая миля пролегла по поднимающейся вверх дороге, образующей полукруг. Постепенно люди начали падать от изнеможения и перегрева. Вначале парни с носилками стали подбирать их, но, со временем, мы стали оставлять их там, где они падали...

Когда в 6 утра [23 ноября] наступил рассвет после первой ночи, проведенной ирландцами на земле Северной Африки, оказалось, что они были вынуждены сбиться в плотные группы, укрывшись шинелями и противогазными плащами – настолько холодной была эта ночь. Ряд частей 6-й Танковой Дивизии, *Лондонские Стрелки* и остальные подразделения 38-й Бригады были переброшены на грузовиках на фронт и заняли передовые позиции в Атласских горах. Итало-германские войска к этому моменту занимали оборонительную линию, протягивающуюся с юга на север в 30 милях к западу от Туниса. В январе 1943 г., в сезон дождей и распутицы, началось наступление союзных войск...

20 января Лондонские Ирландцы получили приказ захватить *Высоту 286*, удерживаемую немцами в секторе фронта Бу Арада/Bou Arada. Ирландцы взяли высоту сразу после восхода солнца, но были немедленно сбиты с нее в контратаке с участием танков и бронетранспортеров. Ирландцы попытались вернуть высоту, но попали под атаку пикирующих бомбардировщиков.

«Было практически невозможно окопаться на каменистых склонах, - сообщал бригадир Рассел, - и весь день [солдаты] находились под плотным артиллерийским и исключительно точным минометным огнем. Однако этот превосходный батальон не дал сбить себя с позиций артогнем. Они удержали те позиции, на которых находились. Но цена была высокой.» Позднее он отмечал, что «Ирландская Бригада училась воевать в тяжелых условиях. С самого начала ей противостояла Бригада *Koch* дивизии *Hermann Göring*. Это были парашютисты – холостые парни возрастом 22-23 года.»

«Мы посыпались, - вспоминал О'Салливан. – Казалось, исчезли порядок и дисциплина.» Некоторые сержанты бросали свое оружие и бежали с поля боя. Было убито шесть офицеров и 20 человек из сержантского и рядового состава, 8 офицеров и 78 сержантов и рядовых были ранены и, по меньшей мере, 136 военнослужащих пропали без вести. Позднее они оказались в числе раненых или попавших в плен...»

Бригадир Рассел рассматривал этот бой как тяжелый, но критически важный, тогда как О'Салливан считал, что ими плохо командовали и бросили в бой людей, измотанных в ночных патрулях в предыдущие несколько ночей. «Вся затея была лишена смысла, а из троих сержантов сделали козлов отпущения,» - с горечью вспоминал он позднее.

Ирландцы в боях за Тунис

В феврале 1943 г. войска стран Оси, ведомые Эрвином Роммелем, перешли в наступление на позиции союзников [в районе перевала Кассерин](#). 26-го числа они возобновили атаки удерживаемых *Лондонскими Ирландцами* позиций в секторе Бу Арада. Утром этого дня О'Салливан был занят доставкой пищевых рационов своим солдатам, и его грузовик попал под пулеметный огонь. Вооруженные парой гранат и винтовками он и его водитель выпрыгнули из машины. «У нас не было четкого, открытого сектора обстрела: перед нами ярдах в 50 были заросли кустарника. Я собрался было продвинуться вперед и тут увидел, что кусты напротив нас начали активно шевелиться. Я крикнул Перси, чтобы он был начеку, и мы уже собирались открыть огонь, когда из кустов выскочил козел, за которым последовало еще около 20 его собратьев, а затем и какой-то молодой парень.»

Наступающие немцы уткнулись в позиции, удерживаемые *Ирландской Бригадой*, и после 24 часов ожесточенного боя отступили. Высота на участке Хадж/Hadj была отбита у противника после интенсивного артобстрела.

«На протяжении многих недель после этого боя, - вспоминал О'Салливан, - смрад, доносившийся с той высоты, можно было чувствовать с расстояния в целую милю. Запах смерти обволакивал все вокруг. Обмотав лицо старым полотенцем, я соскребал с ветвей деревьев куски [человеческой] плоти. Мы похоронили наших погибших с воинскими почестями, но с трупами вражеских солдат обошлись безо всяких церемоний.»

В середине февраля силы союзников, удерживающие позиции на равнине Бу Арада/Bou Arada, сократились до минимума из-за переброски войск в район боевых действий у перевала Кассерин. Защитники сектора Бу Арада были переформированы в так называемую *Дивизию Y (Y Division)*, в которую входили *Ирландская Бригада*, Парашютная Бригада (Para Brigade), французский батальон и части артиллерийской и танковой поддержки. Бригадир Рассел был назначен командующим *Дивизией Y* и немедленно сформировал резерв из эскадрона танков *Churchill*, эскадрона танков из полка *Lothian and Border Horse* и 1-го Батальона Ирландских Фузилеров.

Немцы атаковали в секторе Бу Арада на рассвете 26 февраля 1943 г., при этом они сфокусировались на левом фланге в районе фермы, которую солдаты прозвали *Штыка/Stuka Farm* и участка Джебель Рихане/Jebel Rihane. Три батальона дивизии *Hermann Goering*, поддержанные десятью танками, атаковали сектор, удерживаемый 2-м Батальоном Лондонских Ирландских Стрелков. Ирландцы были сбиты с позиций, но к концу дня сумели вернуть их за исключением одного холма... Об этих боях рассказывает капитан Стром Гэллоуэй (Strome Galloway). Он был канадцем, который в начале 1943 г. был переведен в батальон *Лондонских Стрелков* вместе с лейтенантами La Prairie и Curry. В этих боях он был заместителем командира Роты F. Книга его воспоминаний *With the Irish against Rommel*, основанная на дневниковых записях, была опубликована в 1984 г.:

Капитан Гэллоуэй в укрытии на гряде *Штыка*. 26 февраля 1943 г.

Пишу, сидя в окопе с клерком роты Томпсоном (Thompson). Противник предпринял яростную атаку утром, перед рассветом, и наше положение в настоящий момент не слишком завидное. Со мной остатки Роты F в зарослях кактусов за фермой

Штука/Stuka. Где находятся майор Колин Гиббс (Colin Gibbs), лейтенант Уилкоккс (Willcocks) и большая часть роты, мне неизвестно.

В 6.30 пришло телефонное сообщение из Роты G о том, что какие-то люди, вероятно, противник, перемещаются по узкой долине (nullah) по направлению к нашим позициям. Это казалось невозможным, потому что у нас с этим участком была телефонная связь и с расположенного там поста никаких сообщений не поступало. Я в то время находился в штабном окопе роты, обойдя позиции роты заранее...

Гиббс обходил сторожевые посты и пулеметные точки, когда пришло это сообщение. Поздно прошлым вечером самолет, предположительно, немецкий, медленно пролетел над нашими позициями, и из батальонного штаба пришел приказ быть начеку на предмет возможной высадки противником воздушного десанта. Люди на передовых постах и позициях были предупреждены, но до прихода послания из Роты G ничего так и не случилось. Во время обхода позиций я спускался в эту долину и внимательно рассматривал все равнинное пространство, разговаривая с находившимися на посту солдатами.

Но было тихо, рассвет только начинался. Стоял туман, когда я покинул свой блиндаж для того, чтобы найти Гиббса и передать ему телефонное сообщение. Я едва отошел на 10 ярдов по тропинке, идущей по склону холма, когда увидел бегущего ко мне Гиббса. Задышавшись, он прокричал, что в долине находятся около 30 бошей (Bosche (фр. - мошенник) – типичное для французов прозвище немцев в годы ПМВ - ВК). У нас на этот случай было собрано легкое вооружение, и, поспешно подняв по тревоге минометчиков и объяснив им задачу, я стал забираться вверх по склону по направлению к наблюдательному пункту, где увидел Гиббса, организовывавшего контратаку. Со стороны долины, с расстояния в несколько сотен ярдов, по нам вели огонь из стрелкового оружия...

Гиббс приказал сержанту Норму (North) обойти холм с 12-м Взводом, продвинуться за ферму Штука и отрезать противника в том случае, если он доберется до фермы. Он планировал повести два других взвода в контратаку. Часть 11-го Взвода уже была включена в план контратаки, в концептуальном ключе полный отваги, но слишком отчаянный и малообоснованный. Он означал, что все наши оборудованные окопами позиции будут оставлены, за чем последует близкий бой с противником, у которого будет возможность залечь и скосить наступающих ирландцев. Я сказал Гиббсу, что возьму на себя командование взводом Норта, и поспешил назад, на позиции правого фланга в то время как Гиббс уже вел своих полусонных парней в долину.

Ферма, получившая название Штука (явно «в честь» бомбардировщика Ju-87)

Мы развернули 12-й Взвод и начали взбираться на гряды, чтобы обойти ферму и соединиться с парнями Гиббса уже в долине. Только мы взошли на вершину гряды, как огонь из тяжелого пулемета прошелся по нашей атакующей линии – его вели с высоты, расположенной между ротами F и G, где ранее находилось отделение нашего взвода [легких] бронетранспортеров (Carrier Platoon). Очевидно, их выбили оттуда, потому что пулемет был определенно немецким. Мы залегли – над головой проносились красные трассы очередей пулемета бошей. Я приказал расчету 2-хдюймового миномета установить дымовую завесу на нашем левом фланге, чтобы дать нам возможность перебежать через плато и найти укрытие на ферме Штука. Оттуда я надеялся атаковать холм. Но у второго номера минометного расчета не оказалось боеприпасов! Тогда я отрядил капрала Джонсона с людьми на то, чтобы он осмотрелся на участке с раскиданными по нему стогами сена и нашел себе какое-нибудь укрытие, откуда он смог бы поддержать нас огнем, когда мы рванемся к ферме.

Джонсон ушел, и боши начали обстреливать нас из минометов. Четверо наших были убиты, двое ранены. Двоих парней, между которыми залег я, зацепило – у меня над головой просвистели осколки. Пулеметный огонь со стороны противника не прекращался. Парни Джонсона открыли огонь, и я приказал атаковать ферму, которая, как я считал в тот момент, была занята врагом.

Наши теперешние позиции, находившиеся непосредственно под верхней бровкой склона гряды, было невозможно удержать. Было необходимо либо отступить к нашим ночным позициям, а что происходило там, знал только Бог, или набраться храбрости и броситься в штыковую атаку. Я прокричал приказ тем, кто еще был в строю, подняться и идти вперед, но они мешкали. Я понял: они ждут, что я поведу их, вскочил на ноги, заорал, чтобы они примкнули штыки и следовали за мной. На этот дикий призыв откликнулось только 12 человек. Я прокричал, чтобы они растянулись в линию, и мы рванули вперед туда, где, как мы были уверены, противник держит оборону на ферме Штука. Когда мы бежали по открытому плоскому пространству, отделение Джонсона тоже выскочило из укрытий и рвануло вперед слева от нас, ворвавшись на ферму до того, как это сделали мы.

На ферме Штука не было немцев, но там были трое или четверо людей из штаба нашей роты, которые обычно там ночевали. Они вздохнули с облегчением, когда увидели, что ферму штурмуют свои, а не немцы, как они было подумали! Я расставил своих оставшихся парней – всего около 20 – у дверей, окон и дыр в стенах и решил оставаться здесь, пока мы не убедимся в том, что противник все еще находится на холме, и не найдем наилучший способ атаковать его. Но как только боши поняли, что мы заняли ферму, они открыли пулеметный огонь по окнам здания и кинули несколько мин во двор фермы. Мы все здорово нервничали... Сержант Норт и я ходили от человека к человеку, шутили с парнями и поддерживали их в состоянии готовности к бою. Об атаках на холм вопрос не стоял, поэтому я решил, что единственным разумным планом будет превращение фермы в крепость и удержание ее. Поскольку противник был на высотах и поскольку, насколько мы знали, два других взвода погибли, любая попытка сбить противника с позиций будет самоубийственной. Я решил, что решение о контратаке – проблема командира батальона, который запросит в штабе Бригады подкрепления для осуществления такой атаки, подкрепления, которое всегда было в резерве под рукой у штаба.

Несмотря на огонь противника, санитары с носилками, которые находились на ферме, добрались до гребня гряды и сумели вытащить одного парня, который был тяжело ранен в плечо осколком мины. Его перевязали, я нашел бутылку виски и дал ему глотнуть, чтобы немного облегчить ему жизнь. Потом я отправился к грузовику с радиостанцией, в котором младший капрал Стрэттон (Stratton) пытался связаться со штабом батальона,

Непосредственно перед полуднем, после продолжительных дуэлей между пулеметчиками и стрелками, бои пошли в атаку на ферму. Основную атаку мы отбили, но несколько немцев прорвались на окраину двора фермы, захватили в плен троих санитаров и увели их с собой, швыряя при этом гранаты на нашу сторону двора... Во время атаки на ферму Джерри (Jerry – одно из прозвищ немцев, происходит от слова German – ВК) перекликались друг с другом, но толком мы их не видели.

В одной из комнат мои люди занимали позицию у открытого окна. У них был пулемет Брен, из которого обстреливали холм. Я вполз в эту комнату, прижался к стене рядом с пулеметчиком, когда в окно влетело несколько пуль и одна из них зацепила парня по фамилии Джейнс (Janes) – пулеметчика, угодив точно в переднюю часть его каски. Он отлетел назад, его Брен упал на пол. По счастью пуля не пробила его каску. Он встал на ноги, снял каску, в которой появилась здоровенная вмятина, снова одел ее задом наперед, поднял пулемет и открыл огонь по своему оппоненту. А пули продолжали стучать по камням и с визгом полетать рядом с его головой...

Утром старшина роты и младший капрал Стрэттон обошли всех парней, раздали всем шоколадки, галеты и апельсины. Это подняло настроение оголодавших солдат. В 11:30 утра я вступил в контакт со штабом батальона по радио, уведомив их о том, что мы держимся, и передал небольшой объем информации, которой мы располагали. Я отправил небольшой патруль с сержантом Юдоллом (Udall) в разведку, чтобы они по [сухому] ручью дошли до холма и выяснили, что происходит, так как противник полностью прекратил огонь.

После полудня взвод Королевских Ирландских Фузильеров и 6 танков Черчилль полка Lothian and Border Horse атаковали холм, но снова отступили, не знаю, по какой причине. По-видимому, эта атака сама по себе вынудила бошей оставить холм, тем самым ослабив давление на удерживавших ферму Штука. Позднее наши контратакующие силы потеряли ориентацию из-за отсутствия достоверной информации и командира – они подумали, что ферма Штука все еще была в руках противника. Они запросили дальнейшие распоряжения у штаба батальона, получили приказ атаковать ферму и выдвинулись на позиции для атаки.

К этому времени противник вновь активизировался, и сержант Юдолл, патрульная группа которого все еще находилась в окопчиках, расположенных за пределами нашей «крепости», передала нам, что начинается контратака наших, несмотря на то, что ферма в наших руках, и что от старшего офицера атакующих пришло сообщение о том, что уже слишком поздно отменять артподготовку. Казалось, все окончательно перепуталось и смешалось... В итоге, я вышел на связь со штабом Бригады по радиации и сообщил, что оставляю ферму и передислоцируюсь в заросли кактуса, расположенные позади нее, – не потому, что нас выбивает противник, а потому что собственная артиллерия вот-вот начнет меня обстреливать, чтобы поддержать огнем контратаку. Затем мы с парнями рванули через плато в сторону пологого обратного ската, где были заросли кактуса, и как раз в это время фузильеры пошли в атаку. Атакующие не столкнулись с сопротивлением противника и «восстановили положение.» Противник откатился в сухие ручьи, расчленяющие равнину. Наши 3-хдюймовые минометы хорошо поработали по врагу.

Утром того же дня капрал Хоган (Hogan), при попытке сбить противника, позиции которого были расположены рядом с его хорошо скрытым наблюдательным постом, вызвал огонь на себя. Посылая эту просьбу по полевому телефону, он говорил шепотом, чтобы бои не услышали об этом. В результате острейшей атаки противника было сметено именно тогда, когда он готовился к атаке на ферму Штука, которая должна была произойти в то же время, в которое мы отбивали атаку врага на ферму с другого направления. Попав в клещи двух атак, мы бы, вероятно, потеряли ее. К вечеру собрали наших раненых и привели нескольких пленных немцев, один из которых был сержантом (унтер-офицером – ВК) в форме и со снаряжением парашютиста. «Soldat? Unteroffizier?»

- спросил я его. «Nein, Feldwebel,» - высокомерно ответил немец, стянув вниз с плеча свой комбинезон и показав расшитый серебром погон... Некоторые из Джерри говорили по-английски и рассказали нам, что их перебросили из Германии через Италию на поезде, а затем по воздуху в Тунис. Парашютистов использовали для «усиления» атакующей мощи. Сам фельдфебель сдался нашим, побежав навстречу атакующим с поднятыми над головой руками, в которых держал свой Шмайссер/Schmeisser. Он заявил, что видел достаточно боевых действий во время войны и решил, что пришло время сдаваться...

Наступила темнота. Майор Мак-Кэнн, заместитель командира Иннискиллинских Фузилеров, пришел на ферму, чтобы услышать доклад обо всем происшедшем. Он привел с собой два взвода Ирландских Фузилеров, которые заняли позиции перед фермой, но не так далеко вниз по склону, как это сделали Лондонские Ирландцы.

К 7:30 припрыгал Гиббс со своей раненой ногой, Уилкокса принесли на носилках с тяжелой раной в колено. Многие парни из Роты F, которые угодили в плен во время контратаки в 7 утра, были освобождены в результате контратаки. Также были освобождены лейтенант Уэйд (Wade) и 10 человек из Взвода Бронетранспортеров после того, как вторая контратака очистила холм. К 11:30 две санитарные машины прибыли на место и эвакуировали раненых.

В тот день я много раз был рядом со смертью и пленом, особенно тогда, когда зацепило двоих парней, готовившихся со мной к штыковой атаке по обе стороны от меня, и тогда, когда пулеметный огонь прошелся по нам. Промежуток времени между этими моментами был совсем небольшим...

Солдаты и офицеры Роты F развлекаются. Март 1943 г. Задний ряд: полковой сержант Гёрвин (Girvin), майор Даннилл (Dunnill), ротный сержант Джэксон (Jackson), рядовой Бёртон (Burton). В первом ряду: денщик майора Даннилла и капитан Гэллоуэй. Гёрвин и Даннилл в традиционных ирландских беретах (saibeen)

Наступление войск стран Оси было остановлено, и союзники начали продвижение в направлении Туниса. После короткого отдыха Ирландская Бригада была переведена в

состав 78-й Пехотной Дивизии. 22 апреля 1943 г. мощный артиллерийский барраж обрушился на позиции немцев, после чего ирландцы пошли в атаку. В конечном итоге, оборонительные линии немцев были прорваны. Когда ирландцы приближались к столице Туниса, бригадир Рассел проехал мимо колонны военнопленных, вытянувшейся на целую милю. «Около 3 000 пленных, - писал он впоследствии. – Боши, итальянцы, солдаты, моряки, авиаторы – все перемешались. Было приятно это видеть, хотя пованивало.»

Ирландской Бригаде была предоставлена честь первой войти в Тунис, но они не были уверены в том, что их ждет только лишь теплый прием. Рассел вспоминал, что его войска имели полный комплект боеприпасов на случай, если придется вступить в уличные бои. Но волнения были напрасными. «Я сидел в своей трехтонке, - вспоминал О'Салливан, - и вскоре ее кузов был завален цветами. Парни были увешаны венками, их целовали и приветствовали местные французы, которые были счастливы оттого, что для них война закончилась без особого ущерба для их города.» Поцелуи достались и бригадиру Расселу. Во время парада 20 мая ирландцы маршировали в своих беретах под музыку, которые играли их волынщики. Парад принимали Эйзенхауэр, Александер и Монтгомери.

«Я всегда считал, что мне повезло стать командующим *Ирландской Бригадой*, - написал Рассел вскоре после завершения Тунисской кампании. – Для ирландца командная должность – это честь. И я не поменяю мою должность на весь чай Китая или, что даже круче, на весь Гиннесс!»

В боях за Тунис солдат бригады Джон Кеннилли/John Kenneally заслужил *Крест Виктории* за атаку 28 апреля 1943 г. на позиции противника, стреляя по немцам из ручного пулемета *Брен* от бедра. В представлении к награде говорилось, что «этот отважный поступок и стремительность, с которой все произошло, вывал панику в рядах [целой] роты противника, которая в беспорядке разбежалась.» Кеннилли повторил это двумя днями позднее, нанеся немцам такие потери, что они остановили планируемую атаку. Будучи раненым в этом бою, он отказался передать свой *Брен* другому и оставался в строю весь день.

Джон Кеннилли (1921-2000)

На самом деле, Кеннилли не был ирландцем: он был родившимся в Бирмингеме англичанином по матери и евреем по отцу. Его настоящее имя звучало как Лесли Джексон (Leslie Jackson), но позднее его мать изменила его фамилию на Робинсон (Robinson). В

начале войны он записался в *Королевскую Артиллерию* и служил в зенитной батарее, но ему стало скучно, и он дезертировал. В Глазго он познакомился с рабочими-ирландцами, которые помогли ему выдать себя за человека по имени Джон Патрик Кеннилли, якобы выросшим в Типперэри. Под этим именем он и записался в батальон *Ирландских Гвардейцев*. Через два года известие о его подвиге дошло даже до Черчилля, и он был настолько восхищен этим, что даже высказался об это вслух, противопоставив «ирландского» героя премьер-министру Ирландии де Валэра, «заигрывавшему» с немцами. Вообще, такого рода «официальное признание» совершенно не входило в интересы Кеннилли. «Это было самое худшее из того, что могло случиться со мной, - говорил он позднее. – Я думал, что теперь получу по полной, но это не произошло.»

Ирландцы высаживаются в Италии

В июле 1943 г. *Ирландская Бригада* приняла участие [в высадке в Сицилии](#). Канадские и британские части столкнулись с ожесточенным сопротивлением противника. *Ирландская Бригада* получила приказ захватить расположенный на возвышенности город Центурипе (Centuripe). Это была трудная операция, но цель, в достижении которой приняли участие все три ирландских батальона, была достигнута. Потери были тяжелыми. Среди убитых оказался Питер Фитцджеральд (Peter Fitzgerald) из числа *Лондонских Стрелков*. «Превосходный парень и бесстрашный вожак, - писал о нем Рассел. – Он был из Западной Ирландии, барристером по профессии, 36 лет от роду и, в этом плане, добровольцем в самом высоком смысле этого слова.»

Для старшего сержанта Теда О'Салливана (Colour Sergeant Ted O'Sullivan) немцы оказались не самой главной угрозой. Изношенные 25-фунтовые пушки страдали недолетами выпущенных из них снарядов, представляя из себя опасность для своих же солдат. Кроме того, многие солдаты страдали малярией и дизентерией, среди них был и О'Салливан. Опасности подстерегали ирландцев даже во время отдыха. О'Салливан чуть было не утонул во время купания, когда его унесло течением, двоим его товарищам повезло меньше - они так и погибли в море.

24 сентября 1943 г. *Ирландская Бригада* высадилась в Таранто. Теперь она входила в состав британской 8-й Армии, которой предстояло продвигаться вдоль побережья Адриатического моря, прорывая оборонительные линии немцев, расположенные на отрезке от Термоли (Termoli) до Ортоны (Ortona).

Бои отличались исключительной ожесточенностью. Был случай, когда *Лондонские Ирландцы* наткнулись на бункер, в котором прятались около 20 немцев. Последние оказались сдаться, и ирландцам решили взорвать вход в бункер, а затем подогнали бульдозер, чтобы окончательно похоронить упрямых немцев... Немцы, отмечая высокий боевой дух ирландцев и их безжалостность, прониклись уважением к ним и даже дали им прозвище *Die Irische SS*.

Рождество в Кампобассо/Campobasso

После этих боев Бригада была переброшена в горы. К ним прибыли подкрепления, причем на этот раз многие из новичков не были этническими ирландцами. Среди новых офицеров был лейтенант Николас Мосли (*правильное произношение фамилии – Моузли - Nicholas Mosley*) – сын находившегося в тюрьме Освальда Мосли (Oswald Mosly), лидера британских фашистов. Позднее, повоевав вместе с ирландцами, Мосли-младший писал, что для него предпочтительным оказался «анархический стиль Лондонских Ирландцев» по сравнению с формальным [строго иерархическим] стилем [общения], типичным для британской стрелковой бригады, в которой он воевал раньше.

Освальд Мосли (1896-1980) – лидер Союза Британских Фашистов. По иронии судьбы, его сын Николас проявил себя на антинацистском фронте как отличный офицер
<http://cache2.artprintimages.com/LRG/46/4624/QCOFG00Z.jpg>

В Рождественские дни ирландцев разместили в городе Кампобассо (Campobasso) в большом францисканском монастыре. «Накануне Рождества, - вспоминал О'Салливан, - монахи ходили с фисгармониями и пели праздничные песни в каждой из комнат. Католики отстояли полуночную мессу и хором спели *The Credo*. Рождественский ужин включил в себя жареную свинину.» Вот что писал о Рождественских торжествах бригадир Рассел: «Каждый имел на своей тарелке по три фунта мяса индейки, свинины и ветчины; каждый был счастлив, что за этим последуют два фунта сливового пудинга и все это будет запито двумя пинтами пива...»

В марте 1944 г. новый бригадир – Пэт Скотт (Pat Scott) – сменил Рассела на посту командующего Ирландской Бригадой. Покидая расположение бригады, Нельсон Рассел простился с убитым солдатом, найденным на скальном массиве. Позднее он писал: «Тело его было ориентировано в правильном направлении, в затворе его винтовки оставался последний патрон. Напротив него лежало трое убитых немцев. Его звали Даффи. После того, как все закончится, и на всю Империю накатит вполне понятное раздражение от Ирландии, я надеюсь, что эти бесчисленные Даффи, пришедшие и с Юга, и с Севера на службу во все три рода войск, не останутся забытыми.»

Сражение за Монте Кассино

Тогда же, в марте, Ирландскую Бригаду перебросили на запад, на позиции, расположенные за линией фронта, над которой господствовала гора со знаменитым монастырем Монте Кассино на удерживаемой немцами вершине. Бригадир Пэт Скотт стал свидетелем бомбардировки монастыря с расположенной рядом вершины Монте Кастеллоне (Monte Castellone) высотой 2300 футов. «Все это вызывало вопросы, - вспоминал он. - Если кто-то собирается атаковать город или деревню, является ли правильной акция по превращению его [ее] в руины? Если улицы превращены в груды обломков, две дрянных вещи становятся актуальными: по ним невозможно продвигаться на танках и совершенно невозможно определить, в какой куче щебня спрячется враг.»

Разрушенный монастырь находился в поле зрения *Лондонских Стрелков*, и они могли наблюдать происходящее вокруг него. Припасы доставлялись им на мулах по опасной горной тропе, находившейся в зоне действия артогня противника. «Нам приходилось держать доставку припасов под контролем, так как нервные погонщики мулов пытались сбросить часть грузов по дороге, - вспоминал О'Салливан. – Я как-то раз добрался до вершины с полудюжиной мулов. Вся тропа позади нас была усеяна сброшенными

грузами.» Тем не менее, припасы доставлялись в нужном количестве, и бригадир Скотт вспоминал, что хозяйственные подразделения в тот период справлялись со снабжением его частей.

Весь апрель ирландцы никуда не двигались, стараясь не привлекать к себе минометный огонь, который немцы систематически вели по позициям союзников вокруг монастыря. Был момент, когда генерал Хэролд Александер дал Скотту задание разработать план операции по захвату монастыря. Скотт ответил, что будет лучше, если этим займется кто-то другой. По счастью, Александер согласился с ним. Скотт вспоминал: «Мы были очень рады, когда у нас стали появляться поляки, чтобы осмотреть местность. Перед ними была поставлена незавидная задача захватить монастырь и прорваться через горную цепь позади него, когда начнется основное сражение.»

Когда поляки, в итоге, взяли вершину горы Монте Кассино в середине мая, *Ирландскую Бригаду* перебросили в район горы Монте Троккио (Monte Trocchio) к востоку от долины реки Рапидо, откуда им предстояло продвинуться вдоль по долине реки Лири (Liri) и соединиться с поляками к северу от Монте Кассино. 15 мая полковник Айон Гофф (Ion Goff), командир *Лондонских Ирландцев*, покинул расположение, чтобы провести рекогносцировку местности, и его джип попал под огонь немецкой артиллерии. О'Салливан был в полевом лагере, когда появился легкий бронетранспортер (Bren carrier), который использовали в качестве санитарной машины:

«Я подошел и увидел, что полковник Гофф тяжело ранен и находится в агонии. Я помог сгрузить его с машины. С ним вместе был кто-то, выглядевший как карлик (midget), и было очевидно, что он мертв. Через какое-то время я узнал в нем личного шофера Гоффа, парня ростом больше чем шесть футов. Он потерял обе ноги...» Вскоре Гофф скончался. «Это была тяжелая потеря, - писал бригадир Скотт, - и надо отдать должное *Лондонским Ирландцам*, которые несмотря на потерю своего командира, накануне одного из крупнейших сражений, в которых им приходилось принимать участие, она никоим образом не повлияла [негативно] на их боевой дух, который они проявили на следующий день.»

Бой за деревню Синогогга/Sinogogga

16 мая в 9 утра с артиллерийской подготовки, в которой приняло участие несколько сот орудий, началось сражение. Лондонские Ирландцы начали продвижение вдоль дороги на Синогоггу (Sinogogga) – укрепленную деревню, расположенную на *Линии Густава*. Некоторых задержал огонь немцев из подвалов домов, но стрелки ворвались в окопы, занятые немцами, и уничтожили их в штыковом бою еще до того, как стена артиллерийского огня продвинулась дальше, за передовую линию противника. В этой атаке ирландцев поддерживали танки из состава батальона *16/5 Lancers*, которые обстреляли с близкого расстояния позиции противника фугасными снарядами из своих 75-мм пушек. Значительная часть немецких артиллеристов из противотанковых расчетов в ходе артиллерийской подготовки была отрезана от своих пушек, а те, кто успевал добраться до них, были убиты огнем из стрелкового оружия.

Лондонские Ирландцы были в наиболее уязвимой позиции на левом фланге, попав под пулеметный и минометный огонь противника с противоположного берега реки Пиопетто (Piopetto). Танкисты сконцентрировали огонь на расположенных здесь немцах, подбили несколько бронемашин и уничтожили два склада боеприпасов. Рота *Н Лондонских Стрелков*, в итоге, ворвалась в Синогоггу и вступила в рукопашный бой, который длился более часа.

Наиболее опасным и смертоносным оружием немцев оказались 75-мм самоходные орудия. В одном из эпизодов капрал Джимми Барнс (Jimmy Barnes) попытался в одиночку уничтожить одну из немецких самоходок. Его прикрывал огнем товарищ, вооруженный пулеметом *Брен*. Барнс убил одного немца из экипажа самоходки ручной гранатой, но и

сам был убит. Вскоре после этого оборонявшие деревню немцы начали сдаваться в плен. Барнс был представлен к награждению *Крестом Виктории*, но этого не случилось.

В этом бою *Лондонские Стрелки* потеряли 5 офицеров и 60 солдат и сержантов убитыми и ранеными, немцы – около 100 человек убитыми, еще 120 сдались в плен. Среди них оказались десантники из дивизии *Hermann Göring* – старые знакомые ирландцев еще по боям в Тунисе. Бои в секторе фронта продолжались еще два дня, после чего немцы отступили. 18 мая был окончательно захвачен монастырь Монте Кассино.

В этих боях был тяжело ранен подполковник Хамфри Бала Бредин (Humphrey Bala Bredin) – командир батальона *Иннисклингских Фузилеров*. Он получил пулевые ранения в обе ноги, но продолжил командовать своим батальоном на протяжении всего боя. Бредин начал службу в офицерском звании в 1936 г. в полку Королевских Ольстерских Стрелков (Royal Ulster Rifles). В начале боев за Монте Кассино он был назначен заместителем командира полка, но затем был переведен на должность командира батальона. Поправившись после ранения, он получил под свое командование *Лондонских Стрелков*. За свои боевые заслуги в период боев в Италии Бредин получил *Орден за Отличие в Службе (Distinguished Service Order)*. В представлении к награде было написано следующее: «В ходе боевых действий он превосходно командовал своим батальоном и вдохновлял своих людей личным примером, демонстрируя личную отвагу под огнем противника.» Он был знаменит тем, что никогда не носил каску, предпочитая ей ирландский берет, и в бою никогда не расставался с офицерской тростью.

Немецкая самоходка, уничтоженная в бою за деревню Синогогга

О бое за Синогоггу вспоминает майор Мервин Дэвис (Mervyn Davies), командовавший Ротой Е во время атаки батальона *Лондонских Стрелков* утром 16 мая 1944 г.:

После полудня 14 мая 1944 г. батальон форсировал реку Рапидо/Rapido по механизированному мосту (Bailey bridge), наведенному солдатами 8-й Индийской Дивизии. Мосли (N Mosley), Бракмэнн (J Bruckmann) и Дезмонд Фэй (Desmond Fay) командовали взводами Роты Е. Я также помню сержантов Мэйо (Mayo) и МакНэлли (McNally), двух взводных сержантов, и старшего сержанта роты по фамилии Чарник (Charnick).

Форсирование реки прошло спокойно, и я не припоминаю артобстрела. Мы провели на противоположном берегу спокойную ночь. На следующий день батальон переместился на участок, получивший название Happy Valley. Здесь мы попали под кое-какой

артобстрел, и Джеффри Филлипс (Geoffrey Phillips), командир Роты G, получил ранение в голову, но не слишком тяжелое. Питер Греннелл (Peter Grennell) принял командование Ротой G. Примерно в то же время наш старший офицер, полковник Гофф, был убит осколком снаряда, как и офицер, командовавший [танковым] полком 16/5 Lancers, полковник Лавдэй (Loveday).

Батальону предстояло атаковать при поддержке танков полка Лансеров/Lancers. Бредин был на передовой, вместе со Skins (Иннискиллинские Фузилеры – ВК), и я склонен думать, что после гибели полковника Гоффа он приказал Лондонским Стрелкам атаковать на следующий день. Так или иначе, Рота E выдвинулась в сектор, откуда предполагалось наступление в сторону Синагогского Леса (Sinagoga Wood – так называет Дэвис цель атаки - ВК) – участка, расположенного в 2000 ярдов от нас. По прибытии в сектор атаки мы попали под артобстрел. Мосли был ранен и, думаю, то же случилось с Бракмэнном. Большая часть ночи прошла спокойно, разве что мешал грохот гусениц танков, которые, мы надеялись, были нашими, а не вражескими. Завтрак был великолепным...

Атака началась в 9:20 утра, ей предшествовал обстрел противника тяжелыми снарядами – он начался в 9:00. Мы двинулись вперед вместе с танками Лансеров (и, вероятно, Derbyshire Yeomanry – авторские скобки) (речь идет, скорее всего, о бронемашине носившего это название рекогносцировочного полка - ВК). Первоначально мы продвигались чрез кукурузное поле. Кукуруза была уже довольно высокой и золотистой, и было грустно видеть, как ее давят танки. С другой стороны, в кукурузе было легко прятаться пехотинцам.

Из-за грохота артиллерии и танков мы сразу не поняли, что попали под сильный артобстрел, пока не увидели, что парни начали падать то там, то тут. Помню, я увидел, как упал младший сержант (Lance Sergeant) Уильямс, молодой солдат, который пришел к нам из 70-го Батальона. Мы смогли подойти к роще под прикрытием огня нашей артиллерии, который был довольно точным. У меня был аэрофотоснимок, и он очень помог нам в корректировке артогня. Помню, как я попытался связаться с командиром танка, воспользовавшись телефоном, который находился снаружи его башни, но, само собой, эта штука не захотела работать. Однако командир танка послушно открыл люк башни, когда я начал колотить по ней винтовкой, после чего я показал ему, откуда, как я полагал, немцы вели огонь.

В тот момент времени ребята моей роты использовали любую возможность найти укрытие, находясь ярдах в 100-200 от леса. Когда артобстрел утих, я понял, что рота должна снова начать продвижение вперед. Я встал, рассчитывая, что все вокруг меня сделают то же самое. Все поднялись, и мы побежали к лесу, до которого добрались, потеряв с десятков человек убитыми и ранеными. В лесу мы взяли в плен 60 человек из 90-й [Panzer Grenadier] Дивизии. Я прошел через лес, чтобы найти Роту G на нашем правом фланге и тех, кто продвинулся вместе с нами. В лесу стоял небольшой фермерский дом, который я определил, как ферму Синагога. Я вошел в дом и в спальне на полу нашел глубокого старика и его жену. Они были целы и невредимы, и я попытался успокоить их.

Когда я вернулся на позиции роты, на нас обрушился залп миномета Nebelwerfer. Так были убиты двое лучших парней роты: сержант Мэйо и капрал О'Райли (O'Reilly). Сержанта Мэйо ребята из его 8-го Взвода там же и похоронили. Прежде, чем уйти дальше на следующий день, на его могилу установили крест с надписью: «Сержант Мэйо. Самый лучший сержант, который когда-либо дышал / Sergeant E Mayo. The finest sergeant that ever breathed.»

В гостях у папы Римского

Через семь дней после завершения боев за Синогггу оборонительные линии немцев были окончательно прорваны, и путь на Рим был открыт. Один из ирландцев позднее вспоминал, что во время марша они приблизились к дорожному перекрестку, где движение регулировал офицер из Ирландского Полка канадцев, который был явно рад видеть такое скопление ирландцев в одном месте и рявкнул на них: «Канадские ирландцы – сюда, английские ирландцы – туда».

Американцы были первыми, кто вошел в Рим, но 12 июня *Ирландская Бригада* получила специальное приглашение посетить Папу Римского Пия XII. Бригадир Скотт был ирландским протестантом, но не хотел упускать такую возможность лично для себя. За места в делегации избранных для аудиенции у Папы была жестокая конкуренция...

Скотт вспоминал: «Многие влиятельные члены *Оранжевого Ордена (Orange Lodges – протестантское братство в англоговорящем мире – ВК)* пытались заполучить место на том торжестве, обосновывая это своим званием или длительным сроком службы [в армии].» Сам он считал, что военнослужащие-католики и уроженцы Ирландии должны были иметь преимущество перед остальными, но таких людей в получивших определенное количество приглашений для офицеров батальонах оказалось недостаточно, и протестанты воспользовались возможностью увидеть Папу.

После приема у Папы Пия XII оркестр Ирландской Бригады марширует напротив собора Св. Петра (St Peter's Basilica) в Ватикане. 12 июня 1944 г.

Делегация ирландцев прибыла в Ватикан в 8.45 и в сопровождении папских гвардейцев проследовала на аудиенцию. Пий XII произнес краткую речь, похвалив ирландцев за распространение [христианской] веры по всему миру: в Америке, Австралии, Южной Африке и в других странах. Затем Скотт спросил Папу, не желает ли он послушать игру его волынщиков. При этом присутствовал О'Салливан, который отметил некоторую иронию в том, что последовало за этим: «Оркестр волынщиков Бригады в их юбках, с беретами на голове, множеством цветных лент и нашивок заиграли *Killaloe*, за которой последовала тема *The Sash My Father Wore*. Вероятно, в первый и в последний раз в истории эти знаковые мелодии *Оранжевого Братства* прозвучали в Ватикане. Его Святейшество притоптывал ногой в такт военным мелодиям и, очевидно, получил удовольствие от прослушивания чужеродной для него музыки.» Затем папа освятил четки, принесенные солдатами-католиками, которые преклонили перед ним колена и поцеловали перстень на его руке. Представители *Оранжевого Братства* при этом остались сидеть на своих местах.

Ирландцы в боях за Монте Спадуρο (19-24 октября 1944 г.)

Уже упоминавшийся лейтенант Николас Мосли вступил во батальон *Лондонских Стрелков* в декабре 1943 г. и оставался в нем до конца войны. Получив ранение в бою за Синоггу 16 мая 1944 г., в июле он вновь был в строю. 23 октября 1944 г. он повел в бой свой взвод в атаку на деревню Спинелло (Spinello), расположенную неподалеку от горы Монте Спадуро (Monte Spaduro). Об этом бое, за который он получил Военный Крест, он рассказал в своих мемуарах:

Когда Мервин (майор Мервин Дэвис – на фото слева от Мосли) был вызван полковником и бригадиром, чтобы выслушать его доклад об отступлении, он сказал им, что они, кажется, не понимают бесполезность своей тактики: мы никогда не возьмем Спинелло, да и Спадуро неуклюжей толпой людей, скользящих вниз по склону прямо в топкую грязь посреди ночи под огнем из Спинелло. Он сказал, что необходимо бросить в бой небольшой отряд, пока цель удерживается еще небольшими силами [противника], по насколько только возможно прямому маршруту в направлении Спинелло и выдвинуться как можно более далеко, укрываясь за отрогом [возвышенности]. Затем, когда отряд подойдет к Спинелло настолько близко, насколько это возможно, нужно перейти в атаку, быстро пробежав через открытое пространство. Это должно быть сделано в сумерках. Затем, если атака на Спинелло достигнет успеха, появится шанс на успех в осуществлении большой ночной атаки на Спадуро. Полковник и бригадир выслушали Мервина и сказали: «Хорошо, попробуйте сделать это вместе с вашей ротой.»

Одним из взводных командиров нашей роты был молодой коммунист из Ливерпуля по имени Дезмонд Фэй (Desmond Fay), с которым я дружелюбно спорил в Египте о коммунизме и фашизме. Дезмонд показал свою храбрость во время нашего наступления от Кассино и был награжден Военным Крестом (Military Cross).

Теперь, когда Мервин собрал нас, чтобы рассказать о своих планах, он предложил следующее: Дезмонд выдвинется сразу после полудня с одним-двумя парнями и попытается прояснить ситуацию в Спинелло: сколько там немцев и что там за оборонительные позиции, и, по возможности, привести языка. Затем, если информация,

полученная Дезмондом, окажется удовлетворительной, я поведу моих парней в атаку, нацеленную на захват фермы и построек – все это еще при свете дня, но до того, как немцы будут приведены в боевую готовность. Если моя атака будет успешной, остальная часть роты также продвинется вперед, и мы ночью будем удерживать Спинелло, когда немцы пойдут в неизбежную контратаку. Когда же начнется, у нас будет шанс на успех, поскольку опасность попасть под огонь со стороны Спинелло будет устранена. Этот план казался мне сумасшествием, но, вместе с тем, как и Мервину, имевшим шанс на успех. Но мне был любопытно: почему Мервин выбрал меня для атаки?

Когда я рассказал моему сержанту и командиру рот об этом плане, они, естественно, подумали, что это – сумасшествие: нам что, не говорили никогда, что нельзя передвигаться в поле зрения врага в дневное время? Я объяснил: «Да, но они не поверят в то, что настолько обезумели. Они еще не придут в себя полностью после дневного сна и подумают, что все это еще во сне.» Мои командиры отделений и сержант посмотрели на меня так, словно решили, будто это они или я пребываем во сне...

С выгодной позиции мы могли разглядеть ферму примерно в четверти мили вверх по отрогу. На этой стороне гряды находились развалины фермерских построек. Нам оставалось ждать несколько часов до того, как Дезмонд уйдет на разведку, после чего, почти наверняка, придет наше время выступить. Мы могли потратить это время на то, чтобы убедиться в том, что наше оружие находится в должном порядке. У меня к тому времени был автомат Томпсон/Thompson, репутация которого заключалась в том, что его заклинивало в критические моменты. Но этого можно было избежать, если вовремя побеспокоиться о нем. Было у нас также время поразмышлять о превратностях судьбы...

Когда я попал в плен (в январе в районе Монтенеро/Montenero), я принял решение бежать и преуспел в этом. Мне помогли удача и Мервин. Затем, позднее, когда меня ранило к югу от Кассино, командование вместо меня принял сержант Мэйо, который был убит. Я тогда думал: «Хорошо, удача со мной! Но, рано или поздно, придет время расплачиваться за это. В дальнейшем от меня что-потребуется: или удача отвернется от меня, или судьба пошлет мне испытание...»

Так вот, то, что сейчас, - это не то ли самое задание, которого я хотел или в котором нуждался с той поры, как почти весь мой взвод попал в плен, не сделав ни одного выстрела? Мне был нужен шанс проявить себя с лучшей стороны. Когда Мервин пришел, чтобы рассказать о своих планах для моей атаки, он пробормотал: «Это работенка тянет на МС (орден Военный Крест/Military Cross – ВК). Так говорил в армии о задании, успех в выполнении которого мог обеспечить награждение Военным Крестом, а неуспех – вероятную смерть.

Вылазка Дезмонда Фэя была исключительно успешной. Он ушел в разведку только со своим сержантом и вернулся с языком, который находился в полудреме в окопе, расположенном рядом со фермерскими постройками. Немец заговорил – он сказал, что Спинелло обороняет около 30 человек днем, которые ночью находятся в контакте с подразделениями, дислоцированными на высотах, расположенными дальше за ними. У этих больше пулеметов... В этом были кое-какие хорошие новости, так как казалось, что боевой дух немцев невысок, раз этого парня удалось захватить и разговаривать так легко. Однако одолеть 30 человек – это немало для моего потрепанного взвода, да и захват языка вполне мог встревожить немцев. У меня во взводе оставалось 15 человек, были раненые и больные, и я подумывал о том, когда придет время идти в атаку, кто-то из них скажет, что больше уже может... Среди них был один старший капрал, который лежал на дне окопа и говорил, что не может пошевелиться. Я потолковал с ним немного и сказал: «Хорошо, не иди.» От него не было бы толку для взвода, который всегда вел себя превосходно. Но, думал я, мы все считаем, что это может быть самоубийственной миссией.

У меня было два младших капрала: Томкинсон/Tomkinson и МакКларнон/McClarnon, которым предстояло идти со мной в атаку со своими отделениями. Мой сержант шел пулеметом Брен третьего отделения, чтобы прикрывать нас огнем. Остальная часть роты будет наготове, чтобы усилить прикрывающий нас огонь, если будет необходимость, с холма, расположенного позади нас.

Дезмонду предстояло двинуться вперед первым, чтобы повести нас путем, который он наметил во время рекогносцировки: вне поля видимости со стороны здания фермы под верхней бровкой вершинной поверхности отрога. Но и в этом случае мы останемся в поле зрения немцев, находящихся на расположенных дальше высотах, и правда ли то, что они будут спать? Затем, когда останется последняя сотня ярдов, мы выскочим из-за отрога и побежим в сторону фермерских построек по открытому пространству. Если немцы к тому времени поднимут тревогу, это будет самоубийством...

Мы добрались до места под бровкой отрога, казавшееся нам ближайшим к зданию фермы. Там мы развернулись в линию. Когда я позже рассказывал об этом, я говорил, что был испуган, это да, но больше всего я боялся того, что мне не удастся преодолеть страх. Что тогда? Мозг взорвется, и я сломаюсь? Когда я был близок к гибели в снегах под Монтенеро, мне нужно было лежать тихо; теперь мне нужно было бежать вперед. Я видел, что пулемет Брен уже находится на позиции, с которой он может прикрыть нас огнем, и я отдал приказ «вперед.»

В школе я был хорошим бегуном, и теперь в моих интересах было добежать хоть до какого-нибудь укрытия как можно быстрее. Фермерские постройки были ненамного дальше чем в восьмидесяти ярдах, не так далеко, но со мной был автомат, запасные магазины, гранаты и все такое прочее... Когда я почти добрался до построек, я оглянулся и увидел отделение капрала МакКларнона далеко позади меня. Я заорал: «Давай, Мак-Кларнон!» Этот крепкий коротконогий малый прокричал в ответ: «Бегу так быстро, как могу!» К этому моменту капрал Томкинсон догнал меня... Тут человек с винтовкой выскочил из развалин, Томкинсон выстрелил в него и попал. Я стал поливать развалины огнем из автомата, затем кто-то начал кричать: «Не стреляй, Джонни! Играй свою игру, Джонни!» Томкинсон и я побежали дальше. Гранаты, которые бросали из развалин, начали взрываться среди бегущих. Я подозвал МакКларнона и приказал ему заняться теми, кто засел в развалинах, и укрылся за задней стеной здания фермы. Грохотал винтовочный и пулеметный огонь, то ли от немцев, засевших на высотах, то ли от наших, прикрывавших огнем нас, не могу сказать. Было очевидно, что нужно было срочно скрыться в здании фермы...

Здание фермы было одной из построек на склоне: если зайдешь в него через заднюю дверь на первый этаж, то попадешь на второй со стороны фасада. Когда мы вошли в дом, нам показалось, что на втором этаже никого нет: очевидно, немцы укрывались где-то на первом этаже ближе к фасаду. Гранаты вылетали откуда-то из дыр в боковых стенах. Я приказал Томкинсону обойти здание справа, а сам решил обойти его с левой стороны. И тут за мной пошел улыбающийся немец с поднятыми руками. Я сказал ему, что мне он не нужен, и чтобы он шел искать МакКларнона. Тут я наткнулся на дыру в стене дома. Она вела в комнату, которая оказалась пустой. В полу комнаты, сразу за дырой в стене, была дыра, через которую я мог видеть пространство первого этажа, примыкающее к фасаду. Казалось, она была пустой, но тут в комнату вошли трое немцев с автоматическим оружием. Они увидели меня через дыру, и в тот самый момент я выстрелил и ранил двоих из них в ноги. Третий выбежал через переднюю дверь, еще один ринулся за ним, держась за ногу. Третий упал и там и остался лежать. Магазин моего Томпсона был уже пустым, я обругал себя за то, что потратил столько патронов на обстрел строений. Вставив новый магазин в автомат, снова посмотрел в дыру в полу и увидел, что третий, которого я ранил в ноги, исчез – предположительно, уполз за остальными двумя.

Я связался с МакКларноном и попросил оставить двоих своих солдат для охраны пленных, взятых в фермерских постройках, а затем прийти с оставшимися в строю людьми и занять теперь уже пустой второй этаж и комнаты на втором этаже в левой части дома. Это было сделано. Я пошел посмотреть, как идут дела у Томкинсона на правом фланге.

Эта часть дома была под обстрелом пулеметов, расположенных на холмах: пули прилетали и отбивали кусочки стен. Томкинсон в начале укрылся за колодцем у фронтальной стеной дома. Его пулеметчик был ранен, и двое его парней потащили его за заднюю стену дома. Я присоединился к Томкинсону, но так мы не видели ни одной входной двери, не считая одной с левой стороны, которую держал под присмотром МакКларнон. Правая часть дома, казалось, обрушилась, в руинах просматривался какой-то лаз, возможно в бункер. Тем временем пули продолжали отбивать куски камня вокруг наших голов, поэтому мы швырнули пару гранат в этот лаз, и я по-быстрому перебрался оттуда в дом. Томкинсон остался у колодца и, когда кто-то выстрелил в него из лаза, он поднялся и выпустил в него все, что оставалось у в магазине его автомата, а потом присоединился ко мне. Затем я послал его с несколькими его оставшимися парнями к МакКларнону, который занял комнаты в левой части дома.

К этому моменту третье отделение присоединилось к нам вместе с моим сержантом, и я вместе с ними переместился на правый край дома, потому что считал, что нам нужно его зачистить и взять в плен немцев, которые, как будто, забаррикадировались в подвале. Мой сержант закинул гранату в лаз и тут же был ранен шальной пулей, прилетевшей с высот. Вслед за этим он и его отделение укрылись за задней стеной дома...

... Отойдя к колодцу, я совершенно вслепую, безо всякого смысла, открыл стрельбу по немецким пулеметчикам, засевшим на высотах, хотя они были на сотни ярдов дальше расстояния, на котором я мог достать их. Я вернулся к дому, чтобы бросить в лаз последнюю гранату, и увидел немца, который выполз из подвала и смотрел на меня, держа в руках свой автомат. Он выстрелил в меня чуть ли не в упор и почему-то промахнулся. Мой магазин был снова пуст, так что я прыжком перелетел за угол дома, больше не собираясь выходить к его фасаду. Теперь нам нужно было продержаться здесь до утра.

Казалось, мы заняли все здание фермы, кроме первого этажа или подвала справа. Над правой частью здания, на втором этаже, был склад сена. Я и другие переползли из находившемся в левом краю здания комнаты в это складское помещение, чтобы понять, можно ли в нем остаться и закрепиться. И тут немцы начали палить через дощатый пол! Мы повскакали, начали стрелять вниз, сквозь пол и снова услышали: «Джонни, не стреляй! / Don't shoot, Johnny!» Я попытался вспомнить школьные уроки немецкого и прокричал: «Мы не будем стрелять в вас, если вы перестанете стрелять в нас!» Кажется, послание достигло цели, поскольку остаток вечера и ночь прошли без стрельбы вверх или вниз...

К этому времени на место прибыл Мервин с остальной частью роты и настоял на том, чтобы самому посмотреть на правое крыло дома. Однако он почти сразу был ранен в руку и ногу, и его пришлось оттащить в безопасное место. Я сказал ему, что переправлю его в тыл на носилках, как только раздобуду их, но он настоял на том, что с ним все в порядке, он сможет добраться до своих сам и это жизненно важно сделать именно ему, поскольку он сможет объяснить всю сложность нашего положения и получить для нас подкрепления. Было бы жаль расставаться с ним, поскольку он был нужен мне как человек, с которым можно разделить ответственность за переход к обороне, который мы предприняли...

Но с Мервином пришел Дезмонд, он был старшим по отношению ко мне, поэтому формально он должен был взять всех под свою команду. Затем Мервин отправился на наши прежние позиции по прямому маршруту, прыгая на одной ноге. Оказалось, что он проскакал через минное поле. Мы узнали об этом позднее, когда подкрепление, которое он послал к нам, забрело прямо на минное поле, и многие были убиты и ранены, а остальные так и не добрались до нас. Для них это была катастрофа, но что касается нас, то, кажется, нас, забившихся в здание фермы, было здесь достаточно, и Дезмонд согласился с тем, что было бы сумасшествием рыть окопы снаружи. Итак, мы успокоились и занялись оценкой ситуации...

В нашем распоряжении были остатки трех взводов нашей роты, заполнившие две комнаты, расположенные одна над другой в левом крыле дома – около 30 человек, 10 из них – раненые. Было у нас 9 пулеметов Брен. Мы разместили их на двух этажах и соединили этажи сделанной наскоро лестницей. Тут мы поняли, что наступила темнота. Мы орали, выкрикивали наш военный клич «Woo-hoo Mahomet!» и стреляли, пока атаки не стихали. Все это напоминало апофеоз сумасшедшей апокалиптической детской игры. Только один раз, я думаю, какой-то немец подобрался к самой стене дома – он выстрелил в упор в одного из наших парней через окно. Гранаты, в основном, отскакивали от стен и взрывались где-то снаружи. Наша рация не работала, наш штаб не мог отдать нам приказ делать что-то другое.

Надо было ухаживать за ранеными. Поразительно, но в моем взводе не было убитых. Парень, которого подстрелили через оконный проем, сильно страдал от раны, и я с другими ребятами сидел рядом с ним по очереди. В итоге, из штаба притащили носилки, и мы уже могли отправить его и еще нескольких раненых в тыл вместе с пленными и одним раненым немцем. Санитары рассказали нам о катастрофе, случившейся с подкреплением, которое набрело на минное поле. Кроме того, нам принесли боеприпасы, но не принесли провианта, а мы ведь с прошлого ланча не ели ничего кроме сэндвичей. Кто-то нашел для меня кусок немецкого черного хлеба, на который я накинусь, как стервятник.

Оставался открытым вопрос о том, что мы обнаружим снаружи дома утром. Ночью издали доносились звуки стрельбы и взрывов, с высот летели трассы очередей. Предположительно, атака на Спадуро крупными силами имела место, но чем она закончилась, мы не знали. Если она окончилась провалом, мы будем в осаде весь следующий день. Дезмонд занялся укладыванием защитных стенок из битого камня в оконных и дверных проемах. Мне казалось, что он слишком устал ... к тому моменту, чтобы беспокоиться об этом. Будь что будет.

На рассвете мы начали всматриваться в холодный туман, словно герои вестерна, высматривающие индейцев. На дальних высотах двигались какие-то фигуры, определенно, они перемещались слишком открыто, чтобы это был противник. Мы рискнули и немного покричали. Через какое-то время мы почувствовали, что будет безопасным выйти из дома. Там, напротив фасада, валялись трупы немцев, один из них заблокировал лаз в бункер на правом крыле дома... Я, используя все свои знания немецкого, призвал солдат противника выходить наружу, и, к моему удивлению, они появились из лаза один за другим – 12 человек, половина из них – раненые. Мы такого количества не ожидали... Отправили их в тыл под конвоем. Заместитель командира роты взял на себя организацию мероприятий по укреплению наших оборонительных позиций, появился командир батальона, чтобы поздравить нас, и рассказал, что ночная атака на Спадуро была успешной, частично благодаря нашей атаке на Спинелло.

Мы простояли там остаток дня, пока ситуация на высотах не прояснилась. Нам приказали рыть окопы вокруг здания фермы на случай, если снова начнется артобстрел, но никто не уделил этому внимания. Вечером мы отправились назад – не совсем на прежние позиции, а куда-то к Castel del Rio, где мы должны были отдохнуть. Но это оказался долгий марш, и мы уже были совсем измучены. Во время

десятиминутного привала какой-то офицер, который в бою не участвовал, подошел к нам и приказал встать и маршировать дальше. Помню, как я сказал ему катиться на ...

Конец боевого пути

Тяжелые бои с участием *Ирландской Бригады* продолжались во второй половине 1944 г. и в 1945-м по мере продвижения союзников на север. В сражении, которое имело место в трех милях к югу от озера Трасимено (Trasimeno), *Лондонские Ирландцы* потеряли более 70 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. На финальной стадии войны ирландцы получили бронетранспортеры *Kangaroos*, после чего у них появилась кличка *Kangaroo Army*.

Пехотинец батальона Лондонских Стрелков готовится бросить гранату. Идет бой на южном берегу реки Сенио/Senio к северо-востоку от Болоньи. 22 марта 1945 г.

Об одном из [последних боев Ирландской Бригады](#) на окраине города Арджента (Argenta) в апреле 1945 года рассказывает лейтенант Колин Ганнер (Colin Gunner):

Последнее сражение произошло в месте, носившем название Арджента. Все наши предыдущие бои казались нам незначительными, когда мы оказались на одной линии с ребятами из Нортгемптонширского полка (Northants – название, которое употребил автор для полка Northhampton – ВК), которые бились близ Аргенты по-настоящему. Нас поддерживали штурмовая авиация и огнеметные танки. Мы атаковали весь день силами двух рот и наших верных друзей из 17-го Полевого Полка Королевской Артиллерии.

Я сидел в канаве вместе со своим взводом и ждал, пока не захватят противотанковый ров и Роте В не прикажут подниматься в атаку вверх по борту очередного расположенного перед нами канала. Может, на карте Генерального Штаба последняя линия обороны противника и была прорвана, но в секторе Роты В она прорвана не была.

Наша первая стычка с немцами произошла в районе горящей фермы. Мы потеряли несколько человек от артиллерийского огня, но немцы начали вылезать из одной из охваченных огнем построек. Пока мы собирали их в кучу, наш левофланговый

пулеметчик (Bren-gunner), забравшийся на стог сена, что-то прокричал мне, показывая стволом в сторону лаза в какой-то бункер. У нас у всех были гранаты, я зажал свою в руке, но тут какая-то сила сказала мне остановиться и не бросать ее в этот лаз - и тут четырнадцать немцев с поднятыми вверх руками один за одним выбрались оттуда...

Я ходил между стогами сена и осматривался, когда граната, выпущенная сержантом Холлом (Hall) из ПИАТа с десяти ярдов, взорвалась в следующей постройке, уничтожив пулеметное гнездо немцев. И снова какое-то забытье, которое появляется во время атаки, взяло вверх. Это забытье заставляет игнорировать риск, граница между трусостью и храбростью балансирует на лезвии ножа – это экстаз войны.

Мы еще не добрались до канала, когда мощная вспышка и грохот [взрыва] заставили идущее впереди отделение упасть плашмя. Я подумал было, что кто-то наступил на мину. На следующий день, когда мы остановились в районе горящей фермы, я устроил переключку. Все были на месте, кроме одного парня, с которым непонятно что случилось. Потом стрелки (Rifles – вероятно, автор ведет речь о Лондонских Стрелках – ВК) прорвались вперед на своих бронемашинах Капагоо, и мы получили приказ продвигаться вслед за ними. Когда мы покидали дымящиеся руины фермы, сержант Холл спросил: «Что это там на крыше?» Мы увидели свисающую с застрехи пару ног. Судьба пропавшего парня прояснилась: это было следствием того взрыва, который произошел, когда мы продвигались к каналу, был от попадания. Граната от базуки угодила нашему парню прямо в пряжку ремня и разорвала его пополам. Вторую половину тела мы так и не нашли...

Мы были на марше весь день, стараясь догнать стрелков, которые наступали на своих бронированных такси. Они продвигались так быстро, что, сойдя с машин в расположении захваченной у противника артиллерийской батареи, сумели подключить их телефон и переговорить с изумленным немецким офицером, находившимся на другом конце провода...

Во время этого марша в направлении Сантерно, где должна была произойти ночная атака, я покинул колонну, чтобы пересчитать парней, у меня появилось чувство, которое приходило к любому во время маршей по этим пыльным и грязным дорогам. Стоя в стороне всего несколько мгновений, пока Джек (вероятно, командир роты - ВК) не вернул меня, отругав за то, что я не иду впереди взвода, на меня нахлынула волна любви к этим гнувшимся под грузом [выкладки] и запыленным фигурам...

С Сантерно проблем не было. Две роты подошли к нему ночью, затем, к утру, роты В и D, чтобы пойти в атаку, но до этого осколок 105-миллиметрового снаряда угодил Джеку Филэну (Jack Phelan) под глаз, а мне поцарапал горло. Дело шло к концу, но, вполне разумно, новостям об этом не дали дойти до нашего уровня. Если люди об этом узнают, кого обвинишь в том, что он сидит сложа руки и отказывается двигаться куда-то? Но и в этом случае все молились днем и ночью: «Молю тебя, Боже, не теперь. Только не в самом конце – прошу тебя.» Я был в этом хоре, стоявшем у Врат Рая, и чувствовал это еще острее, когда Skins (Иннискиллинские Фузильеры – ВК) взяли деревню, и Норман Плаймен (Norman Plymen), которого прислали, чтобы заменить Джека на должности командира роты, приказал мне на следующее утро наступать в сторону долины реки По. Вместе с Норманом я влез на колокольню, чтобы осмотреться, но, забравшись на самый верх, я услышал, как позади меня зазвонил колокол. Это был не Норман, решивший поиграть с колоколом – это пуля звякнула о колокол. В итоге мы спустились пониже, на более безопасный уровень...

Танкисты, которых отрядили, чтобы поддержать нас, лучше понимали ситуацию, поэтому после чего-то вроде шоу с грохотом гусениц и вращением башен, они остались за полосой садовых деревьев, в то время как мы начали продвигаться вперед через

кукурузное поле. Они так и простояли там весь день. Немецкие танки тоже не вступали в бой. Когда произошло первое боестолкновение, мы захватили какую-то ферму и четверых пленных. Наскоро обыскивая их на кухне, я вытащил у капрала пачку немецких сигарет, сделанных из дубовых листьев. Сказав «дерьмо/shit», я швырнул эту пачку в лужу и посмотрел ему в глаза, когда он провожал взглядом свою последний запас курева. Затем, произнеся «курево от англичанина/smoke from Englander», я вручил ему жестяную банку с пятьюдесятью сигаретами Payers. Что ж: Горе Победленным/Vae Victus.

Капрал Нэнсен позвал меня (он был на правом фланге, рядом с пулеметом Брен). Я увидел немецкий танк за мостом через канал – его пушка была нацелена на ферму. Будучи уверенным в правильности своего предсказания, я заметил: «Все в порядке, он подбит,» но услышал толковый комментарий от Нэнсена: «Я и раньше слышал такое.» Я взял с собой четверых парней, чтобы разобраться с этим танком. Пока я не увидел серые фигурки, запрыгивающие в башню, я верил, что он подбит, а когда они открыли огонь из пулемета, ситуация прояснилась окончательно. Нас спасло то, что мы были уже настолько близко к нему, что немец не мог опустить ствол пулемета достаточно низко, чтобы попасть в нас. Нам удалось отползти по канаве к мосту, но немцы разнесли его фугасными снарядами, и нам ничего не оставалось, как прыгнуть в канал и плыть назад. Вернулись все, кроме одного, который плавать не умел. Выбравшись на другой берег, мы, покрытые тиной, под пулеметным огнем добрались до штаба роты. Пока я искал веревку, сообразительный парень по фамилии Сэмон (Salmon) сумел перекинуть через канал нашему отставшему «трос» из связанных вместе нескольких пулеметных лент и перетащил его на наш берег, получив за это боевую награду...

На следующее утро мы форсировали канал, оставили позади горящий танк, захватили еще одну ферму и, пока обыскивали стога сены и постройки, Норман и я последний раз увидели руку смерти в действии. Хозяин фермы, который до это прятался в каком-то подвале, вышел, жестикулируя и аплодируя своим освободителям. Он лепетал слова благодарности, когда одна-единственная пуля угодила ему в грудь и он упал замертво у двери собственного дома...

По пустынному полю в нашу сторону бежал немец, выскочивший откуда-то как черт из табакерки. Мчась в нашу сторону, он размахивал одной из листовок, которые от лица учтивых союзников гарантировали военнопленным долгую и счастливую жизнь. Когда он пробежал мимо парня по фамилии Сивер/Siever, то поприветствовал его: «Что продаешь, приятель: Mirror или Mail (названия газет – ВК)?» После этого был последний патруль, посланный на пустое поле, было еще несколько выстрелов, угодивших в деревья рядом с нами, а на следующее утро Джон Бимиш (John Beamish) вошел со своей Ротой С в город Руина/Ruina, стоявший на берегу реки По. Никто не стрелял по нам, когда мы смотрели на бурные коричневые воды реки, стоя на берегу, никто не стрелял, когда выкатили шестифунтовки, чтобы снести шпиль церкви, стоявшей на противоположном берегу, никто не стрелял, когда после ланча с коньяком я уснул на своем одеяле в штабе Роты В.

Я спал, когда дверь с грохотом распахнулась, и я увидел старшего сержанта роты с охапкой винтовок. Он швырнул их в угол, заметив: «Все кончилось. Лучше отобрать у них винтовки, пока они не перестреляли друг друга.» Я поднялся и налил коньяк в две кружки. Мы пожали друг другу руки и выпили. Он ушел разоружать роту, а я остался сидеть за столом... Допил коньяк и вышел, чтобы присоединиться к остальным, позвонить в колокол, прокатиться верхом в штаб батальона чтобы полностью понять происшедшее и то, что утром не будет артиллерийской стрельбы, сигнала к атаке, немцев и смерти...

Ирландская Бригада закончила войну в Австрии. С начала своего боевого пути в Тунисе она потеряла более 900 человек убитыми.

Одно из кладбищ в Италии, на котором похоронены солдаты и офицеры Ирландской Бригады

Основной текст - Tim Newark

<http://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/the-irish-brigade-in-wwii/>

<https://www.irishbrigade.co.uk/eyewitness-accounts>

<https://www.royal-irish.com/events/irish-brigade-attacked-bou-arada-holds-against-superior-numbers>

[https://en.wikipedia.org/wiki/38th_\(Irish\)_Brigade](https://en.wikipedia.org/wiki/38th_(Irish)_Brigade)

Перевод и компиляция с другими материалами - Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org

